

спастися» — как может человек достигнуть вечной жизни? Традиционный ответ гласил бы: соблюдением постов, целомудрием, молитвами и деятельной любовью к ближнему. Из этих требований традиционного благочестия подхватывается Феофаном только любовь к ближнему, и то в характерном переосмыслении: в качестве пути к спасению любовь к ближнему должна осуществляться уже не в привычной форме, т. е., например, как милостыня, а как аккуратное выполнение гражданских обязанностей на службе государству. Все сводится к тому, что в «новой» России Петра I идеал хорошего христианина должен реализовываться не за стенами монастыря, а в служебном кабинете трудолюбивого чиновника.

Моралистические журналы также стремятся по-новому осмыслить религиозные понятия прошлого, которые у них теперь сочетаются с такими ключевыми понятиями новой этики, как «честь» и особенно «добродетель», — популярнейший лозунг европейского Просвещения. В России слово «добродетель» было известно из церковнославянской письменности,²⁴ но в XVIII в. оно наполняется новым содержанием в соответствии с секуляризационными тенденциями петровской и послепетровской России, превращаясь в эквивалент английского *virtue* и немецкого *Tugend*.

Новая этика основывается уже не только на воле Божией и учении православной церкви, но и на требованиях человеческого разума. Благочестие древнерусского человека отличалось исключительной ориентацией на иной мир. Теперь мы имеем дело с установкой, которая отнюдь не была антирелигиозной, но все же стремилась соответствовать прежде всего потребностям земной жизни. В моралистических журналах мирской характер новой этики вырисовывается особенно наглядно тогда, когда речь идет об отношениях полов, т. е. тогда, когда трактуется тема добродетельной любви мужчины и женщины, причем читатель предупреждается о таких « пороках », как кокетство, неискренность и непостоянство (осуждение щеголей и щеголих). Такая этика в первую очередь уже не заботится о вечном блаженстве после смерти, но о том временном блаженстве, которое составляет награду добродетели в нашем мире.

При всем этом русские моралисты XVIII в. избегали полемического противопоставления своего просвещенного эвдемонизма христианской вере. Эта осторожность отличает их от французских просветителей и определяет их общность с немецкими и британскими собратьями: в России придерживались не радикальных, а умеренных направлений европейского Просвещения. Нужно было не отменить традиционную религию, но примирить ее с интересами земной жизни. Таким образом, критика религии в рус-

²⁴ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 676—677.